

**СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО ПОЛКОВНИКА ДЕГАРРИГИ:
К ВОПРОСУ О «РАБСТВЕ В СИБИРИ» И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯХ
НА СИБИРСКИХ ЛИНИЯХ В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА**

В статье опровергается историографический миф, созданный известным сибирским публицистом С. С. Шашковым о наличии в колонизируемой Сибири «безудержного рабства» и административного произвола в отношении алтайских и джунгарских беженцев в период разгрома Джунгарии Цинским Китаем.

Ключевые слова: С. С. Шашков, джунгаро-цинская война, миграция джунгарских и алтайских народов, работорговля на Сибирских линиях, следственная комиссия.

В 1867 г. в одном из самых известных научных отечественных изданий «Чтениях общества истории древностей российских» выдающимся сибирским областником Г. Н. Потаниным были опубликованы фрагменты отдельных материалов о работорговле в Сибири в середине XVIII в. [Материалы по истории Сибири, 1986. С. 153–162.] Эти документы были обнаружены им вместе с С. С. Шашковым при разборе архива Омской крепости во время пребывания в местной тюрьме в 1865 г. по делу сибирских сепаратистов [Шиловский, 2008. С. 66]. На их основе в 1869 г. Шашковым была опубликована в журнале «Дело» статья «Рабство в Сибири», вошедшая позднее в его сборник «Исторические этюды» и в «Собрание сочинений» [Шашков, 1869; 1872; 1898]. Несмотря на то, что статья имела более публицистический, чем исследовательский характер, она приобрела широкий общественный и научный резонанс в революционно-демократических и либеральных кругах российского общества и продолжает сохранять свою актуальность в современный период.

Впервые в сибирской историографии в ней были подняты вопросы, связанные с обличением существовавших в Сибири различных видов и форм рабства, колониальных порядков, насаждаемых в регионе царизмом. Автор привел немало негативных

фактов работорговли, имевших место в различных регионах Сибири, в том числе и на Сибирских линиях в 1756–1757 гг. Им был сделан вывод о формировании «класса рабовладельцев», существовании «безудержного рабства» и административного произвола «во всех уголках сибирской колонии» [Шашков, 1898. С. 532–533].

Источниками для таких выводов явились отдельные документы о злоупотреблениях командующего Колывано-Воскресенской линией полковника Франца Дегарриги, линейных офицеров и коллежского регистратора Парамона Девятиеровского в отношении джунгарских, алтайских и других беженцев, спасавшихся от цинских войск в результате разгрома Джунгарии в 1755–1757 гг. Используя избирательно лишь негативные факты, изложенные в материалах судебного следствия, и акцентируя внимание на них, Шашков изложил свою версию событий, происходивших на русско-джунгарской границе, не упомянув при этом о мерах правительства по оказанию помощи пострадавшим, пресечению фактов работорговли, по выявлению и наказанию виновных и о других существенных моментах.

В своей статье он сообщал, что в марте 1757 г. группа джунгарских и других зайсанов обратилась к императрице Елизавете Петровне и русским пограничным властям

с просьбой принять их в российское подданство, получив на это согласие. Но движимые корыстными мотивами местные военные власти (полковник Дегаррига и его подчиненные), выполняя указы императрицы и сибирской губернской администрации, допустили произвол и насилие в отношении калмыков. За свое содействие и покровительство «зенгорцам» они получали взятки в виде малолетних детей, лошадей, пушнины, золота, серебра, жемчуга и пр. Вымогательства, угрозы и насилия русских военных и гражданских властей привели к тому, что половина беженцев разбежались в горные ущелья от своих «спасителей», а их зайсаны обратились с жалобами к императрице на действия пограничных властей, что и повлекло два продолжительных судебных разбирательства [Материалы по истории Сибири, 1986. С. 158–159].

Приведенные Шашковым факты широко использовало не одно поколение исследователей истории Сибири: в дореволюционный период [Ядринцев, 2003. С. 307–308], в 1920–1930-е гг. [Фирсов, 1921. С. 62; Тыжнов, 1999. С. 10–11], в 1950–1970-е гг. [Потапов, 1953. С. 179–180; Гуревич, 1973. С. 103; Моисеев, 1983. С. 94–95] и в постсоветский период [Самаев, 1991. С. 126, 140, 142; Шерстова, 1999. С. 154–155, 179; 2005. С. 93, 106, 120]. Извлечения из статьи Шашкова продолжают тиражироваться и в наши дни.

Так, Л. И. Шерстова, безоговорочно приняв сведения Шашкова, пишет в своей монографии: «Офицеры Колывано-Кузнецкой линии, как выяснило следствие по делу Дегарриги за мзду изменяли статус “выбегавших” к крепостям кан-каракольцев (этнос Горного Алтая. – И. К., Д. Р.) весьма охотно, записывая просящих вместе с их улусами в двоеданцы. Этим воспользовалось немало алтайцев, которые приняв фиктивный статус двоеданцев и сделавшись российскими подданными <...> откочевали в далекие горы и укрепились там» [Шерстова, 1999. С. 106].

В 2010 г. в Санкт-Петербургском институте истории РАН И. А. Мальцевым была защищена кандидатская диссертация на тему «Рабство в Сибири и Оренбургском крае в XVIII – первой половине XIX в.», где, несмотря на критику подхода Шашкова к сложной сибирской реальности, эпизоды работорговли, приведенные им, вновь были рассмотрены как бесспорное проявление

«русского колониализма» в худшем его варианте в самый драматичный для Джунгарии период [2010. С. 168].

Между тем многие обстоятельства этого сложного и затянувшегося дела до сих пор остаются вне поля зрения историков, а первичные следственные материалы не стали еще объектом исследования.

Сохранившееся в Архиве внешней политики Российской империи в фонде «Джунгарские дела» «Следственное дело по извету адмирала Мятлева бывшего в Тобольске губернатора о великих взятках полковника Дегарригой и другими штаб и обер офицерами с принятых в российское подданство выходцов джунгарцев, бухарцев, киргизцев и протчих народов, и о роспуске оных народов более половины под предлогом бежавших» дает нам более адекватное представление о трагических событиях, происходивших в 1756–1757 гг. в Горном Алтае, и, что самое важное, позволяет выяснить отношение правительства России, военной и гражданской администрации к проблеме беженцев и судьбе джунгарских, алтайских и других народов в момент гибели некогда могущественного Джунгарского ханства¹.

Следственное дело представляет собой сложный многоплановый источник, состоящий из 276 листов, который наряду с изложением результатов судебно-следственных мероприятий достаточно полно отражает сложную военно-политическую, этнополитическую обстановку, возникшую на Колывано-Кузнецкой линии в 1756–1757 гг., а также меры правительства и пограничных служб по стабилизации миграционного потока и устройству беженцев, спасавшихся от китайской агрессии.

Потерпев поражение в ходе джунгаро-цинской войны летом 1755 г., разрозненные ойратские и подвластные им алтайские народы устремились к недавно возведенной русской пограничной линии, нарушив сложившееся в регионе военно-политическое и этническое равновесие. Характеризуя сложную миграционную ситуацию, порожденную войной, И. И. Тыжнов справедливо отметил: «Алтай представлял собою оригинальное зрелище. Это была стоянка или лагерь разнообразных народностей, сбегав-

¹ АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1757–1764. Д. 8. Л. 1–276.

шихся сюда от бойни, которую устроили маньчжуры в Чжунгарии. Здесь были и чжунгарские калмыки, и мингаты, и урянхайцы, бывшие подданные контайши. За ними явились китайцы и монголы, чтобы подчинить их власти богдыхана или выдворить на старые места. Сюда же набегали и киргиз-казаки, чтобы пограбить. Все они, в большинстве разоренные и лишенные средств к существованию, по большей части живут грабежом» [1999. С. 13].

Преобладающая часть беженцев и преследующих их цинов оказалась в непосредственной близости от русских пограничных крепостей и форпостов, что создало реальную угрозу российским владениям в предгорьях Северного Алтая. В этих непростых условиях командующему линией полковнику Дегарриге и его администрации пришлось решать сложные задачи не только по защите своих рубежей, но и о принятии новых народов в российское подданство. Руководствуясь указом императрицы Елизаветы Петровны от 2 мая 1756 г. о приеме ойратов и алтайцев в русское подданство, пограничные власти начали осуществлять перепись вынужденных мигрантов, выявлять их статус, обеспечивать нуждающихся продовольствием и кормом для скота, а также вести агитацию по переселению беженцев в низовья Волги.

Несмотря на предпринятые меры по упорядочению миграционного потока и устройству беженцев, деятельность Дегарриги и его подчиненных вскоре стала объектом критики со стороны торгоутского зайсана Наугату (Наугат) и церковного служителя Табуна Геленга (Габунга). Они были направлены летом 1756 г. в Бийскую крепость калмыцким ханом Дондуком по просьбе Коллегии иностранных дел для агитации алтайских беженцев переселиться к волжским калмыкам. Указанные эмиссары обратились 14 марта 1757 г. к императрице Елизавете Петровне с жалобой на полковника Дегарригу и его адъютантов. Последние, по их словам, заявили пострадавшим алтайским зайсанам, что они останутся без помощи в Алтайских горах, если не окажут им «за наше российское обыкновение за труды должны получать плату и потому лошадей, коров, овец, доброе платье и холопей что ему показалось брали»². Но, получив все

это, полковник и его подчиненные не предприняли надлежащих мер, отпустили беженцев в горы в жестокие морозы, отчего многие калмыки умерли от холода, голода и «воспаленной болезни».

Жалоба была составлена, как выяснило позднее следствие, с помощью переводчика калмыцкого языка коллежского регистратора Девятиеровского, находившегося при зайсане Наугате в Бийской, а затем в Усть-Каменогорской крепости.

По указам Елизаветы Петровны и Правительствующего Сената от 10 июня и 1 июля 1757 г. была создана судебно-следственная комиссия из высших офицеров Сибирских линий под руководством генерал-лейтенанта Рейдера³. Она была призвана выявить виновных и судить их военным судом. Следствие производилось первоначально в 1757–1759 гг. в Бийской крепости, в присутствии «зенгорских» зайсанов, в том числе Наугату, затем переведено по распоряжению сибирского губернатора Соймонова в Омскую крепость.

Главными обвиняемыми на первых порах были полковник Дегаррига и его адъютанты С. Кочерин и И. Нелюбов. Они обвинялись в получении взяток от зенгорцев и в других должностных «прегрешениях».

Изучение послужного списка Дегарриги и других документов свидетельствует, что Франц Францович Дегаррига, (Де Гаррига, Дегаррига), по другим данным Франц Иосиф Дегаррига, родился в 1701 г. в Барселоне, в семье испанских дворян. С 1 июня 1719 г. находился на «гишпанской службе», 13 августа 1740 г. в чине полковника был принят в русскую армию. С 1741 по 1 августа 1751 г. был полковым командиром Ширванского пехотного полка. В апреле 1752 г. был назначен командующим строящейся Колывано-Кузнецкой линии и комендантом Бийской крепости⁴. На этом поприще немало сделал для укрепления юго-восточного участка российской границы в Горном Алтае. В октябре 1756 г. сибирский губернатор В. А. Мятлев рекомендовал его Сенату вести переговоры с алтайскими зайсанами, характеризуя его как «добропорядочного офи-

² Там же. Л. 37–38.

³ Там же. Л. 40 – 40 об., 238 об.

⁴ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 439. Л. об., 1а; Ф. 490. Оп. 1. Д. 492. Л. 96 об., 97, Л. 160 об., 161. Данные представлены А. В. Дмитриевым, за что авторы ему признательны. См. работы: [Дмитриев, 2009] и др.

пера» [Международные отношения..., 1975. С. 43–44].

Вместе с ним несли службу на Иртышской линии его сыновья-«погодки»: Антон Францович, 16 лет, был драгуном, в 1782 г. вышел в отставку премьер-майором, в 1798 г. был земским управителем приписных крестьян Колывано-Воскресенских заводов; Ерофей Францович, 17 лет – «каптенармус 6 роты» и Иван Францович, 18 лет – «каптенармус 10 роты»⁵. По данным красноярского историка Г. Ф. Быкони, один из старших братьев в 1771 г. был воеводой в Томске, в 1775 г. – в Енисейске [1985. С. 97–98].

В своих показаниях, изложенных в «вопросных ответах», Дегаррига сообщил, что во время большого притока беженцев на вверенную ему пограничную линию он приложил немало усилий «входящим в российское подданство зенгорцам ища способов и полезному случаю выходом в Россию», но, не имея возможности принять всех желающих в русские крепости по причине нехватки продовольствия и «воспеной болезни» у беженцев, вынужден был отпустить часть алтайцев в горы. Алтайские мигранты, по его словам, получали в соответствии с правительственным распоряжением «корм» и фураж для скота и лошадей. Помимо прочего, он выделил на пропитание из «собственного кошту» 190, а затем до 400 рублей и приказал забить двух быков на содержание калмыков, находившихся в Усть-Каменогорской крепости. По его указанию регистратор Девиатеровский и адъютанты Кочерин и Нелюбин осуществляли перепись беженцев для вывода их на Волгу к «тамошним калмыкам». За указанное содействие в размещении беженцев и в организации их питания посланцы калмыцкого хана Наугату и Табун отблагодарили его 3-мя калмычками, лошадьё и белками⁶. Примечательно, что Наугату и Табун не присутствовали на судебном заседании. Первого июля 1757 г. они выехали в составе большого «коша» калмыков, принявших крещение и русское подданство, на нижнюю Волгу. В пути следования в Калмыцкое ханство часть беженцев умерла от оспы, среди них был и Наугату.

⁵ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 492. Л. 96 об. – 97, 160 об. – 161.

⁶ АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1754–1764. Д. 8. Л. 239, 70–82, 40 об.

Показания Дегарриги были подтверждены на следствии зайсаном Боохолом, который заявил, что «полковник Дегаррига человек добрый и к ним благожелательный, что от него зюнгорцы видели всякое и немалое одолжение, благоприятность и подарки за что его и добровольно дарили»⁷.

Другие зайсаны также заявили, что «полковник Дегаррига их зенгорцев обратно не отпускал а бежали они сами по устрашениям оных же зайсанга калмыцкого и переводчика Девиатеровского»⁸. Трудно судить, насколько были искренни в своих показаниях участники судебного процесса. Но последующее развитие событий и служебная карьера Дегарриги могут свидетельствовать в его пользу.

Несмотря на заступничество и положительные отзывы зайсанов, Дегаррига был отстранен от командования, его жалование было уменьшено наполовину, на него был наложен штраф за неуплату пошлины с полученной им от джунгаров лошади в размере 15 руб., отнесена большая часть судебных расходов⁹.

Следственная комиссия также установила, что проводившие по указанию Дегарриги перепись алтайских беженцев адъютанты Кочерин и Нелюбов совершили по отношению к ним различные служебные злоупотребления и произвол. Так, Кочерин «объявил себя главным» калмыцким зайсанам и старшинам и «с притеснения брал немалое число скота лошадей калмычак тож соболей белок и других разных вещей», полученными «взятыми» он делился с Нелюбовым и вахмистром Сажиным. Нелюбов к тому же учинил «фальшивый допрос» крестьянам в деревне Убинской, обвинив их в том, что они якобы украли 15 лошадей у беженцев,

⁷ Там же. Л. 39, 255 об. – 256. Теленгитский зайсан Боокол (Боохол) и его люди не приняли российского подданства. Он, как и некоторые другие алтайские зайсаны, безуспешно сохранял надежду на возрождение Джунгарского государства во главе с ханом Амурсаной. В июне 1757 г. его подчиненные оказали сопротивление посланному Дегарригой отряду поручика Заливина, призванного уговорить теленгитов вступить в русское подданство. Лавирование Боокола между Россией и Цинами привело в конечном итоге к разгрому подчиненных ему теленгитов в январе 1758 г. в верховьях р. Чуй и его преждевременной смерти (см.: [Самаев, 1991. С. 142–143, 149–150]).

⁸ АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1757–1764. Д. 8. Л. 256.

⁹ Там же. Л. 240.

взял при этом с них 4,5 руб. Установив вину указанных офицеров, судебная комиссия постановила: у адъютанта Кочерина «отобрать чин и патенты, прогнать чрез полк шпицрутен двенадцать раз и написать вечно в рядовые в полк Якуцкой». Его сообщник Нелюбов также подлежал разжалованию в рядовые «до выслуги». Суровое наказание было определено Сажину, получившему «при разделе девку и бабу», а также лошадей, меха, серебро. Его надлежало бить кнутом и сослать на каторжные работы «навечно»¹⁰. Однако решение суда в отношении подчиненных Дегарриги по невыясненным причинам не было выполнено в полном объеме. Очевидно, свою роль сыграла неписанная корпоративная солидарность военных, основанная на принципе: «своих не выдавать!», а также нежелание глубоко рассматривать дело, в котором было замешано немало других военных и гражданских чинов. На это обстоятельство, не без оснований, позднее укажет в своих показаниях Десятиеровский.

Против него были выдвинуты алтайскими зайсанами более серьезные обвинения. Он был послан на Сибирские линии Коллегией иностранных дел от хана Дондука в начале 50-х гг. и исполнял обязанности переводчика калмыцкого языка в Усть-Каменогорской, затем в Бийской крепостях. Не исключено, что он был знаком с Наугату по прежней службе. По словам зенгорских зайсанов, в декабре 1756 г. Десятиеровский объезжал коши (временные стоянки) южных алтайцев и выдавал себя за посла «белого царя», чем «уповательно тех калмак возбуждал», требовал разные «взяты», грозил беженцам в случае неуплаты насильственным уводом на Волгу, где их «в холопы обратят и мучительно с ними поступят». Используя свое положение и угрозы, Десятиеровский получил «во взятах» троих «калмытских» детей, лошадей, жемчуг, меха, 4 лана серебра, всего на 761 руб. Помимо этого, отнял у торгоутского калмыка его детей – мальчика и девочку¹¹.

Вызванный в судебную комиссию Десятиеровский пытался решительно отвести от себя обвинения в самозванстве, угрозах и вымогательстве, мотивируя тем, что зенгор-

цы неправильно истолковали его слова в силу «не весьма искусному знанию им калмацкого языка». Однако вряд ли комиссия сочла это показание убедительным. Десятиеровский показал себя как опытный переводчик, автор переводов важнейших джунгарских и других документов: обращений алтайских зайсанов к императрице Елизавете Петровне и сибирской губернской администрации о приеме их в русское подданство, хана Амурсаны императрице об оказании помощи в борьбе с Цинами, а также жалоб зайсана Наугату о злоупотреблениях линейных офицеров¹². По-видимому, он также был переводчиком при тайной встрече посланников Амурсаны с Дегарригой весной 1757 г. Его поведение в процессе следствия и последующая судьба также свидетельствуют не только об умении защищать свои неблагоприятные действия, но и квалификации опытного чиновника. Искушенный в юридической практике регистратор не подписывал допросные речи и отказывался отвечать на неудобные вопросные пункты, отрицал получение взяток, заявлял, что купил все у калмыков по «добровольной цене»¹³.

Опасаясь разоблачения и притеснений со стороны военных, он подал рапорт на имя губернатора Ф. И. Соимонова, в котором просил перевести его в Тобольск, где обещал дать подлинные показания. Находясь в Тобольске в 1758–1759 гг., он инспирировал новую жалобу от имени Наугату, в которой обвинялись в получении взяток и незаконном приобретении детей, скота и имущества наряду с Дегарригой, его адъютантами и другие офицеры линейных крепостей. Как уже сообщалось, Наугату к этому времени уже не было в живых. Знал ли об этом Десятиеровский, можно только догадываться.

Среди обвиняемых им фигурировали подполковник Семен Колобок, секунд-майор Степан Волков, капитан Петр Чапчиков, поручики Петр Попов, Иван Коробейников и другие военные чины, а также гражданское население крепостей Кольвано-Кузнецкой линии. Среди них: 27 старших и младших офицеров, 19 низших воинских чинов (гренадеров, драгун, солдат, казаков), 3 разночинца, 4 крестьян, посадский, 2 свя-

¹⁰ АВПРИ. Ф. Зенгорские дела. Оп. 113/1. 1757–1764. Д. 8. Л. 241–242.

¹¹ Там же. Л. 247 – 247 об.

¹² Там же. Л. 247, 253–254, 259.

¹³ Там же. Л. 247 – 247 об., 253–254, 260–261.

ценника, ассессор, всего 58 чел.¹⁴ Такая информированность свидетельствует о том, что Девятиеровский хорошо знал обстановку, возникшую на границе в 1756–1757 гг., широко пользовался сведениями волжских и алтайских зайсанов и фиксировал многие негативные факты.

Кроме того, Девятиеровский обвинил нового председателя следственной комиссии полковника Девилленева (Дивеленев), назначенного в связи со смертью генерала Рейдера и заменившего Дегарригу на его командном посту, в том, что комиссия «неправильное производство имеет» и что члены комиссии вместе с председателем «всегда у полковника Дегарриги дома обедали и старались того от явной погрешности избавиться», а его Девятиеровского с зайсаном Наугатом стремятся подвергнуть «неправильному штрафу»¹⁵.

Девятиеровский, очевидно, написал также донесение в Коллегию иностранных дел, в котором изложил в выгодном для себя свете версию произошедших событий и «неправильного» хода следствия. Не случайно в промемории Коллегии от 4 мая 1764 г. председателю следственной комиссии Девилленеву ставилось в вину то, что он намеренно затягивал судебный процесс: «говорил зайсангам что следствие продлится 2–3 года и не с одним а с тремя аудиторами <...> а без того их зайсангов отпустить нельзя. Неудивительно, они, видя в следствии продолжение, напоследок от всего отказались, желая через то скорее отпуск получить на Волгу в соединении их домами без которых они весьма нужное имели на линии пропитание»¹⁶.

Рапорт Девятиеровского вызвал у военной коллегии и губернатора Соймонова, известного в Сибири своей неподкупностью и борьбой с мздоимством, сомнения в правильности проведения следствия. Они предписали создать новую комиссию во главе с начальником Сибирских линий генерал-майором Фрауендорфом, находившимся в

Омской крепости. При этом было указано устроить очную ставку Девятиеровского с Наугатом (очевидно, о его выбытии и смерти на тот момент было неизвестно) и другими зайсанами.

Новая комиссия потребовала прибытия Девятиеровского в Омскую крепость для дачи нужных показаний. Но, как сообщал генерал Веймарн, возглавивший вскоре комиссию, несмотря на неоднократные требования, Девятиеровский, сначала ссылаясь на болезнь, а затем на «неправильное на него комиссии представление», отказался выехать на место проведения следствия. Оправдывая свое поведение, в доношении губернатору Соймонову регистратор-переводчик писал, что генерал-поручик Веймарн «учинял на него отяготительное по сему делу сообщение, касающееся крайнему его разорению и порабощению» и что он в своих «допросных речах» в Бийской крепости уже показал, что купил калмыцких детей, лошадей и меха у зенгорских старшин по добровольной цене, «видя при том сущую их в пропитании от жестоких морозов и воспиной болезни нужду»¹⁷.

Но, несмотря на упорное нежелание предстать перед новым составом комиссии для дачи признательных показаний, Девятиеровский был конвоирован в Омскую крепость, где началось новое судебное разбирательство. На нем вскрылись другие неблагоприятные поступки, как переводчика, так и покойного «заявителя». На очной ставке алтайские зайсаны заявили, что Девятиеровский и Наугату «принуждали их все то писать что кому они в мену отдали обнадеживая, что все оное им зенгорцам со излишеством будет возвращено а как они зенгорцы ложно того показать не хотели то страшали их что зайсанг Наугат по приходу их на Волгу всех их в холопи раздаст а и до отправления их туда мучителски с ними поступать они будут и так они переводчик и зайсанг что хотели то все сами же да зенгорский писарь и писали»¹⁸.

По-видимому, эти показания оказали решающее влияние на ход и результаты следствия. Несмотря на все запирательства и уловки, Девятиеровский был все же уличен во многих взятках, служебных злоупотреблениях и вынужден был подписать необхо-

¹⁴ АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1757–1764. Д. 8. Л. 240–249.

¹⁵ Там же. Л. 268–269. Полковник И. Т. Девилленев происходил из французских дворян, был заместителем командующего Кольвано-Кузнецкой линии в 50-е гг. XVIII в. [Пережогин, 2005. С. 100].

¹⁶ АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1757–1764. Д. 8. Л. 267 об. – 268.

¹⁷ Там же. Л. 262.

¹⁸ Там же. Л. 256 об. – 257.

димые допросные листы. Комиссия, руководствуясь статьями 29 и 31 Генерального регламента и Военного артикула статьи 151, предписала ему «нещадное наказание плетьюми и разжалование в солдаты»¹⁹.

Серьезным наказаниям подлежали и другие участники затянувшегося и запутанного дела. Наряду с возвращением джунгарам людей, лошадей, скота и других ценностей, уплатой пошлинных и «пошерстных» денег за необъявленных в таможне лошадей и уплатой судебных издержек, все участники судебного процесса понесли суровые взыскания. В зависимости от степени виновности обвиняемые (52 чел.) были разделены на три категории с указанием их вины и наказаний.

Самое большое наказание «за взятки и другие должностные преступления» понесли 29 чел. офицерского и рядового состава. Каждый из них подлежал персональному наказанию. Полковник Дегаррига, с учетом того, что он два года находился «на половинном жаловании без команды», на полгода переводился в рядовые с выплатой самого большого денежного штрафа. Его адъютанты Качерин и Нелюбов подлежали наказанию шпицрутенами и переводу в рядовые. Другие офицеры подвергались крупным денежным штрафам, рядовой состав – наказанию плетьюми и взысканию пошлин за необъявленных лошадей.

Ко второй группе было отнесено 14 чел., в основном рядового состава. Им вменялось в вину необъявление покупных и вымененных у калмыков лошадей и неплатежей пошлин в таможню, которые они должны были внести в казну с учетом штрафных санкций.

В третью группу вошли отставные военные, разночинцы, крестьяне, посадский и два священника (16 чел.). Им также вменялись в вину взятки и неуплата пошлин в приобретении у калмыков скота, за что они подвергались штрафу и наказанию плетьюми²⁰.

Но данное решение суда также в полном объеме не успело вступить в силу. В связи с восшествием на престол Екатерины II 22 сентября 1762 г. ею был издан «Всемиловнейший указ», в котором было объявлено

о смягчении наказаний в «неисправлении» служебных должностей. В соответствии с ним, виновные в должностных преступлениях подлежали «к лишению всех чинов от солдата до штабного чина по одному чину, а с штабских и выше до двух» и уменьшению наложенных штрафов и вычетов на одну треть²¹.

В соответствии с этим указом, Военная коллегия и Коллегия иностранных дел 20 января 1764 г. внесли значительные коррективы в вердикт следственной комиссии. Военная коллегия постановила: «полковника Дегарригу от штрафов освободить», но на собрании штабных офицеров «учинить крепкий репроманд» и подвергнуть аресту на две недели²².

Были смягчены наказания другим офицерам, за исключением адъютанта Кочерина, который уже был наказан шпицрутенами, но сохранял прежнюю офицерскую должность. С учетом совершенных им прежде должностных нарушений, он лишился всех чинов и подлежал увольнению из армии. Понижению в чине и вычету трети жалования на нужды госпиталя подлежали другие офицеры. Рядовой состав освобождался от штрафов, но подлежал наказанию плетьюми²³.

Дело Десятиеровского было вынесено в отдельное судопроизводство и рассмотрено в Комиссии иностранных дел. В промемории от 4 мая 1764 г., исходящей из комиссии, вина Десятиеровского во многом была сглажена. Ее составители исходили из того, что следствие производили «тамошние на линии офицеры, между которыми и переводчиком и ханским зайсаном Наугатом происходили частые несогласия, потому что присутствовавшие при следствии старались защищать и облегчать причастных к взяткам офицеров, а Десятиеровского под штраф подвести»²⁴.

В промемории также выражалось сомнение в принуждении Десятиеровского к даче взяток калмыков; указывались нарушения

²¹ Там же. Л. 249 об.

²² Там же. Л. 250 об. К этому времени он вновь исполнял обязанности командующего войсками Кольвано-Воскресенской линией, что подтверждается его многочисленными рапортами на имя начальника Сибирских линий генерал-майора Веймарна: ИАОО Ф. 3. Оп. 1. Д. 89. Л. 15–16, 23–26, 74, 114–115, 118–120, 169–170, 195–196, 207–208 и др.

²³ АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1757–1764. Д. 8. Л. 250 – 251.

²⁴ Там же. Л. 266.

¹⁹ АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1757–1764. Д. 8. Л. 262.

²⁰ Там же. Л. 239–249.

в ходе ведения следствия: умышленное его затягивание полковником Девиленевым, отсутствие важных свидетелей со стороны пострадавших беженцев, отмечены и другие смягчающие обстоятельства.

В то же время Деветиеровскому ставилось в вину, что «тому, находясь на службе, вступать в торг с калмыками не надлежало и допускать пререкания с комиссией», а также «ослушания» в отношении генерала Веймарна, требовавшего его приезда в Омскую крепость для дачи необходимых показаний²⁵. С учетом названных факторов комиссия постановила: смягчить наказание военного суда, освободить регистратора от телесного наказания, записать в толмачи, посадив его при этом на месяц на гауптвахту и на неделю на хлеб и воду. Это наказание Деветиеровский отбыл в Астрахани, куда был направлен Коллегией иностранных дел служить в прежней должности у бригадира Бехтеева, отвечавшего за «тамошние калмыцкие дела»²⁶.

Таким образом, рассмотренные нами материалы военно-судебного производства, подвергают сомнению выводы С. Шашкова и приведенные им факты о наличии в Сибири «безудержного рабства» и административного произвола в отношении к народам, входившим в состав России, и сибирским «иногородцам» в целом. Как показывают данные, изложенные в деле Дегарриги и его подчиненных факты служебного произвола, взяточничества, торговли людьми имели место на Сибирской линии, но они во многом были обусловлены чрезвычайными обстоятельствами, сложившимися в Горном Алтае, не носили массового системного характера и в значительной мере пресекались правительством, которое всегда было заинтересовано в постоянном увеличении податного российского населения, независимо от его этнической и религиозной принадлежности

Список литературы

Быконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале

XIX в.: формирование военно-бюрократического дворянства. Красноярск, 1985. 299 с.

Гуревич В. П. Вторжение Цинской империи в Центральную Азию во второй половине XVIII века и политика России // История СССР. 1973. № 2. С. 98–114.

Дмитриев А. В. Иностранцы офицеры на службе в полевых и гарнизонных войсках на территории Сибири (середина XVIII в.) // «Aus Sibirien-2009»: Научно-информационный сборник. Тюмень, 2009. С. 50–52.

Мальцев И. А. Рабство в Сибири и Оренбургском крае в XVIII – первой половине XVIII в. Рукопись канд. дис. СПб., 2010. 248 с.

Материалы по истории Сибири / Изд. Г. Н. Потаниным // ЧОИДР. М., 1986. Кн. 1–4.

Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы. М., 1975. Кн. 2. 348 с.

Моисеев В. А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая. М., 1983. 244 с.

Пережогин Н. А. Военизированная система управления Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1871 гг.). Барнаул, 2005. 264 с.

Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л. 1953. 312 с.

Самоев Г. П. Северный Алтай в XVII – середине XIX в.: проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск, 1991. 312 с.

Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей XVIII–XX вв.: Сб. док. и материалов / Под ред. В. П. Зиновьева. Томск, 1999. 192 с.

Тыжнов И. И. Падение Джунгарии // Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей XVIII–XX вв.: Сб. док. и материалов / Под ред. В. П. Зиновьева. Томск, 1999. С. 5–21.

Фирсов Н. Н. Чтения по истории Сибири. М., 1921. Вып. 2. 73 с.

Шашков С. С. Рабство в Сибири // Дело. 1869. № 3. С. 163–208

Шашков С. С. Исторические этюды / Изд. Н. А. Шигина. СПб., 1872. Т. 1. С. 97–166.

Шашков С. С. Собр. соч. СПб., 1898. Т. 2. С. 505–548.

Шерстова Л. И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири в XVII–XIX веках. Томск, 1999. 434 с.

Шерстова Л. И. Этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX в. Новосибирск, 2005. 310 с.

²⁵ АВПРИ. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1757–1764. Д. 8. Л. 270.

²⁶ Там же. Л. 271–275.

Шиловский М. В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона. Новосибирск, 2008. 270 с.

Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и исто-

рическом отношении. Новосибирск, 2003. 614 с.

Материал поступил в редколлегию 25.08.2011

I. P. Kamenetskiy, D. Ya. Rezun

**INVESTIGATION CASE OF COLONEL F. DEGARRIGA:
ON THE QUESTION OF THE «SLAVE TRADE» IN THE SIBERIAN LINES
IN THE MIDDLE OF THE XVIII CENTURY**

The article refutes historiographical myth created by a famous Siberian publicist S. S. Shishkov about «unrestrained slavery» and abuse of administrative power in colonized Siberia against Altaic and Dzungar refugees during the defeat of Dzungaria by Qing China.

Keywords: S. S. Shishkov, Dzungar-Qing War, migration of Dzungar and Altaic peoples, the slave trade in the Siberian lines, investigative commission.